

Литературно-
художественный
алманах
"Череповец"

1

В НОМЕРЕ:

Обращение к читателям	1
В.Анохин. "Отчего лихорадит Россию?"	2
И.Воробьев. Стихи	7
А.Суворин. "Популярная лекция о банках". Публикация А.Чернова	8
М.Ганичев. "Бомж". Рассказ	16
Л.Беляев. Стихи	17
В.Данилов. "Деревенское пиво"	20
В.Данилов. Пародия на А.Широглазова	22

Обращение к читателям

Выход в свет литературно-художественного альманаха "Череповец" вызван целым рядом причин. Среди них, пожалуй, в первом ряду стоит настоящее агрессивное нашествие на наш город, нет, не гуманоидов, а столпов отечественной массовой культуры, которые сегодня видят в провинции настоящую золотую жилу и очень активно ее разрабатывают, пользуясь при этом добросовестной поддержкой тех, кто еще недавно слыл за обычную "комсомольскую фарци", а теперь вот наловчился и на культуре деньги делать и, конечно, бессовестно доить при этом госбюджет.

Между тем, череповчане были и остаются "иванами не помнящими родства", что, однако, не мешает им понемногу пресыщаться босоногими артистами, поющими под фонограмму на потребу нашей невзыскательной молодежи.

Не надо сегодня проводить никаких социологических опросов, чтобы убедиться, к примеру, что абсолютное большинство из нас ничегошеньки не знает о знаменитом городском голове Иване Милютине.

Откуда знать? До сих пор нет даже книги, в которую были хотя бы собраны все имеющиеся материалы о Милютине.

Наши дети, изучают в школе историю и древнего Рима и древней Греции, но они не изучают самого малого - историю родного города. И ни один учитель не имеет на руках хотя бы тоненькой книжицы о том, откуда взялся, как рос и развивался град Череповец.

У нас есть поэты, которым в редакциях газет говорят традиционное: "поэтам и собакам вход в редакцию запрещен".

У нас есть писатели, литературоведы и даже философы, представьте себе!

Мы делаем попытку дать им возможность высказать перед своими согражданами. В нашем альманахе нет и не будет никаких поэтических дрязг, но его страницы будут всегда открыты для тех, кто желает познакомиться с творчеством наших поэтов и прозаиков, живописцев и фотомастеров, историков края, литературоведов.

А это значит, что альманах открыт для всех!
Николай НЕНАСТЬЕВ

Диагноз: "Не рассудок, так бес"

Ощущение того, что с русской культурой не все в порядке постоянно воспроизводится в нас. Что-то в ней недостает. Дети либо явно, либо скрыто бунтуют против отцов и собственной культуры. Этот бунт проявляется не только в криминальных актах, но и в битии стекол, лампочек, срывах телефонных трубок и т.д. Дети, помимо своей воли, вовлекаются в пространство лжи и отрицательных ценностей. Создается ощущение, что русская культура не породила механизмов защиты своего человеческого материала от сил зла. Более того может показаться, что мы традиционно воспроизводим зло, которое время от времени потрясает Русь до корней своих великими экспериментами и революциями.

Что же происходит с Россией? За что и за кого она страдает? Время поставило эти вопросы. И если мы на них не ответим, то русский грех будет умножен последующими поколениями. Россия в этом случае явится реализацией мрачных пророчеств П.Я.Чаадаева, который утверждал, что ее удел - потрясти весь мир чудовищными экспериментами. Один из самых простых и поверхностных ответов на поставленные вопросы будет следующим. Россия соблазнилась марксистской идеологией и ушла с естественного пути развития. Сбилась с пути и забрела далеко в сторону, а посему путь

ее возвращения представляется весьма сложным. В силу этой причины Русь якобы отстала в своем развитии от Запада.

Этот ответ настолько прост, что появляется желание выставить его в качестве вдохновляющей и определяющей идеи для активных действий русского народа. Но простота ответа видимая. Внутри себя она несет ложь.

Семьдесят лет России, определяемые коммунистической идеей, - это ее внутреннее состояние. Это ее собственная игра, вне которой не мог существовать ни один ее член. Россия, очутившись в состоянии идейного коммунизма, реализовала свои внутренние потенции. И если это состояние мы определяем/ с позиций цивилизованных обществ/ как ложное, то следовательно, мы должны предположить скрытую ложь в возможностях культурного развития государства.

Отчего у нас все лгут, все до единого? - спрашивает Ф.М.Достоевский в "Дневнике писателя". Писатель с грустью выводит, мол, в интеллигентных слоях на Руси совсем нет нелгущего человека. Ложь даже лечит больного. "Деликатная возможность вранья есть, - говорит Ф.М.Достоевский, - первое условие русского общества - всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч." Только "правдивые тупицы" на Руси выступают за правду. Но они немедленно несут за то наказа-

ние, "удивляясь потом, отчего оно их постигло?"

Все это вранье, подводит итог Ф.М.Достоевский, намекает на чрезвычайно важные основные черты русского характера. Во-первых, на то, "что мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным и тем самым, избегая ее постоянно, сделали ее наконец одною из самых необыкновенных и редких вещей в нашем русском мире... Таким образом, у нас совершенно утратилась аксиома, что истина поэтичнее всего, что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы налгать и представить себе повадливый ум человеческий. В России истина всегда имеет характер вполне фантастический. В самом деле, люди сделали наконец то, что все, что наложет и переложет себе ум человеческий, им уже гораздо понятнее истины, и это сплошь на свете. Истина лежит перед людьми по сто лет на столе, и ее они не берут, а гоняются за придуманным, именно потому, что ее-то и считают фантастичным и утопическим".

Во-вторых, "на что наше всеобщее русское лганье намекает, это то, что мы стыдимся самих себя". А поскольку это так, то мы, по мнению Ф.М.Достоевского, стремимся

скрыть свое лицо, стать кем-то другим и принять другое лицо - надеть маску. "Все это из самого внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского - непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают". Это в большинстве случаев бессознательно. "Это нечто конвульсивное и необратимое...".

Этот главный тип нашего общества вырабатывался, согласно Достоевскому, на протяжении двухсот лет. При этом руководящим принципом был "ни за что и никогда не быть самим собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя..." Воспитанный же человек знает, что не стыдиться своего лица есть главный и существенный пункт своего достоинства. Достоевский понял, что боязнь истины порождает стыд за самого себя. Культура выстраивается на хрупком фундаменте лжи.

"Не рассудок, так бес", - подводит итог своим размышлениям Раскольников в романе "Преступление и наказание". "Не истина, так ложь", - можно вместе с Достоевским перерифазировать слова Раскольникова. Сама форма построения предложения - "не рассудок, так бес" - указывает нам на нечто характерное в логике русского языка. С этим наблюде-

г.Череповец. Покровская улица.

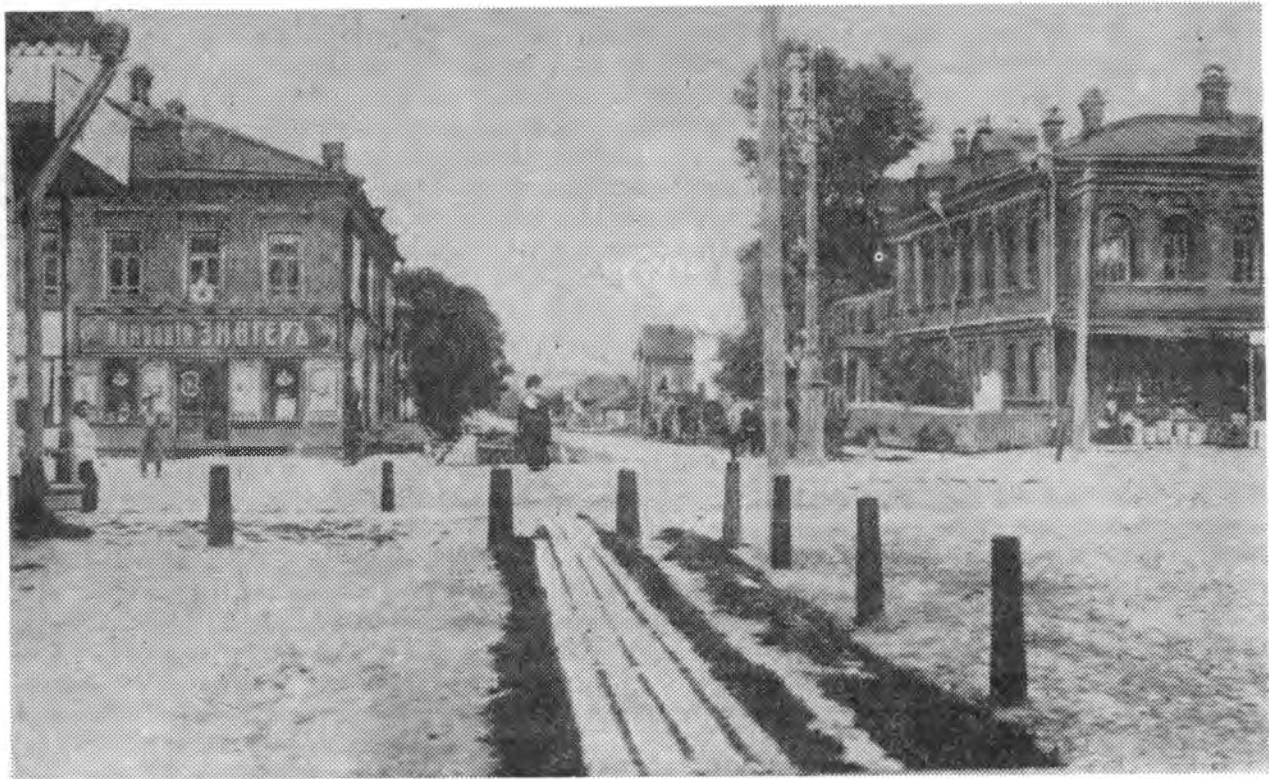
нием поделился с нами доктор филологических наук Г.Д.Гачев. Он заподозрил наличие у нас особой национальной логики, которая, по его мнению, весьма отличается от западной. На вопрос "как оказывается в языке русская ментальность?" Гачев отвечает, мол, в основу русской логики и тем самым ментальности ложится логическая форма "не то, а...". Формула логики Запада, согласно Гачеву, выражена формой "это есть то-то". Другими словами, в основе западной культуры мышления находится импликативное выражение "если то, то...", а в основе нашей - "не то, а...". В последнем выражении филолог увидел ценность и уникальность русской логики, а тем самым и русской ментальности. Подчеркнул ее открытость, вопрошание и незавершенность.

Так уж получается в нашем научном мире, что все уникально русское мы пытаемся представить как ценное, не всегда понимая пагубность этих идей. Можно только догадываться, насколько сознательно Ф.М.Достоевский выбрал фамилию главного героя романа "Преступление и наказание"/Раскольников/ и насколько осмысленно он вложил в его уста фразу: "Не рассудок, так бес". Но очевидно следующее. Его мысли о том, что мы не любим истину напрямую замыкаются на эту фразу. Если бы Достоевский хорошо знал логику, то сделал бы для себя открытие, мол, западная структура мысли - "если то, то..." - является

импликацией/условным суждением/ в той логике, которая воспринимает и обрабатывает информацию как истинные суждения.

То есть для этой логики истина играет главную роль. Приоритет истины и условного суждения в мышлении обусловлен видением мира как целого, в котором части взаимообусловлены. Причина /условие/ порождает следствие/действие/. Это видение мира обуславливает стратегию: ищи причины, условия и достаточные основания происходящих явлений и воспроизводи цепочку взаимосвязанных актов. Структура импликативного мышления вызывает к жизни структуру человеческого поведения или нормального человеческого бытия. Русская же форма мысли, о которой говорит Гачев, играет роль импликации, но уже в логике лжи. Форма суждения "не то, а..." является конъюнкцией суждений/соединенных с помощью союза "и"/, поэтому она не может создать цепочку рассуждений. Она сужает мысль и в общекультурном плане играет роль не порождения мыслительного процесса, а его угасания.

Возможно, в силу этих причин герои Достоевского устремляются вверх/по символической лестнице - "логике"/ и попадают в замкнутое пространство, где соблазн убийства или самоубийства становится наиболее явственным. Логика лжи загоняет человека в состояние безысходности, вырваться из которого очень трудно. Да и сам выход из

г.Череповец. Садовская улица.

состояния лжи оказывается временным и революционным. За ним следует новая ложь, поскольку логика боязни истины не меняется.

В прошлом столетии П.Я.Чаадаев поставил России страшный диагноз, мол, она заблудилась на этой Земле. "Мы живем одним настоящим... без прошедшего и будущего". Мы, согласно ему, ничего не восприняли из преемственных идей человеческого рода, исторический опыт для нас не существует. "У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного процесса". Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества. И если на Западе все создано христианством, то мы хоть и носим имя христиан, но не двигаемся с места, плод христианства для нас не зреет. П.Я.Чаадаев со злой иронией говорит: "Мы составляем пробел в нравственном миропорядке". За эти мысли и идеи Чаадаев был объявлен высочайшим повелением сумасшедшем философом. "Правдивый тупица" превратился в сумасшедшего, популярность которого, по мнению его современников, зиждалась на слове ненависти к отчизне. Трудно сейчас говорить, мол, любил ли или ненавидел Чаадаев Россию. Ясно следующее. России был поставлен диагноз, суть которого сводилась к мысли о том, что в культуре России почему-то нет преемственности. И если мы перенесемся в плоскость национальной логики "не то, а...", то заметим связь между идеями Достоевского и нелюбви к истине/то есть к тому, что порождает пре-

емственность/ и мыслями Чаадаева об отсутствии внутреннего развития России. Культура мышления, культура поведения и хозяйствования взаимообусловлены между собой. В этом плане Чаадаев и Достоевский оказались единодушны. Культура России больна и вместе того, чтобы ее лечить, мы пытаемся усугубить ее болезнь, превращая ее в механизм саморазрушения и самопотрясения.

Один из талантливых русских философов, К.Д.Кавелин, утверждал, мол, на Руси в уме, талантах, способностях - нет недостатка, но они пропадают даром, вырождаются в пустоцвет. "Куда не обратиться, во всем сильно чувствуется недостаток осмысленного.. труда. Оттого малейшее, ничтожнейшее дело тормозится у нас громадными препятствиями, превышающими силы одного человека". Причину этого Кавелин видит в том, что наши взгляды и концепции отрицают, прямо или косвенно, условия деятельности. "В вопиющем противоречии убеждений и стремлений, дела и его предпосылок, и заключается та наша удивительная особенность, которой нет подобной целом в мире". Этим Кавелин подчеркнул расхождение нашей мысли об условиях деятельности и самой деятельностью. Насущные потребности толкают нас на труд, а взгляды отвергают самые основы труда, доказывая, по всем правилам искусства, их несостоятельность и невозможность. Умственная работа и труд на Руси не стыковались, поэтому первая

г.Череповец. Кинематограф.

вообще перестала считаться работой. Интеллигенция, как носитель умственного труда, стала терять свой вес в обществе. И как всегда бывает в подобных ситуациях общество теряет нормальное управление и на передний план выдвигается, по мнению философа Г.Г.Шпета, невегласие/невежество и ложь/.

"Не рассудок, так бес" стало симптомом русского расстройства, символом неустойчивости нашего бытия. "Мы жалуемся на обстановку, - говорит Кавелин, - на злую судьбу, а особенно на всеобщее равнодушие и безучастие ко всякому добруму и полезному делу. Но ведь и всем, подобно нам, желалось бы, чтоб дело делалось само собою, чтоб жизнь несла нам дары труда и образованности без всякого с нашей стороны участия в черной работе. И вот мы прячемся за ход вещей, за логику событий, которые должны работать за нас. Так выходит на самом деле: все делается как-то само собою, помимо нас, но зато совсем не так, как бы нам хотелось. Стихийные силы, не управляемые человеком, приносят нам, вместо того, о чем мы мечтаем, самые причудливые неожиданности". Мы слишком мало думаем, полагает Кавелин, элемент мышления равен у нас почти нулю и не принимает почти никакого участия в наших делах, а потому и не входит определяющим элементом в наше миросозерцание и нашу практическую дея-

тельность. Превратив мысль в забаву, мы тем самым убаюкали свою лень и заставили себя бесплодно вертеться в пустоте повседневных дел. Выражение "не рассудок, так бес" на Руси превратилось в максиму "не рассуждать, а работать", как будто рассуждение не есть работа, а действительная работа не несет в себе элементов рассудочности. Жизнь русского народа явилась главным свидетельством против этой формулы.

Я не ставлю себе цель показать, что русская культура безнадежно больна. Напротив, мне представляется, что только полное и ясное понимание недостатков русской жизни позволит нам преодолеть их. История мстит тем, кто из-за нелюбви к своему прошлому разрушает его. Прошлое необходимо принять со всеми его греховностями и недостатками.

В этом и состоит мужество поколений. Греховность преодолевается, а не отрицается - это и есть покаяние России. Вне этого пути нас не ожидает ничего хорошего. В этом плане я пытаюсь в дальнейшем показать как возможно стало нынешнее состояние русской культуры.

При этом попробую провести сравнительный анализ развития нашей и западной культур.

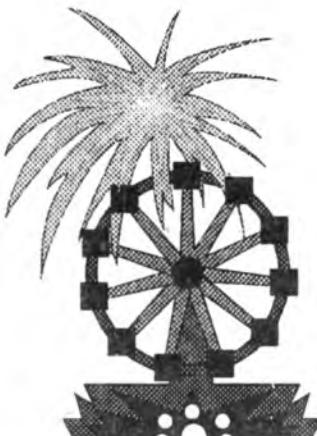
г. Череповец. Базарная площадь.

Дантес

Стремясь достичь
Вершины золотой
Поэзии старинной
Первозданной,
Я будто бы блаженный
Иль святой
Бреду по строчкам
Древности туманной.
Понять мне трудно
Слов мудреный лад,
Но в размышленьях мудрость
Постигая,
Опять с тобой иду
В объятья "рая"
И низвергаюсь
В твой кромешный "ад".
Пусть мир красив...
Он все же ярче в красках
Внезапных слов размежленной
строки,

Где что ни слово,
То чудесней сказка,
Что ни строка,
То горечь или ласка
И мысль плетет
Бессмертные венки.
Какой мудрец
Сквозь много сотен лет
Пронес огонь
Пылающего сердца,
И кто нашел себе
Единоверца,
Понявшего и думы,
И совет?...

И ты пронес,
Веков развеял дым
И временем значенье строк
Проверив.
И славен вечно
Дантес Алигьери
Своим бессмертным
Подвигом земным.

Поэзия

Игорь Воробьев

Идет, идет временен круговорот:
Весна. И я любуюсь твоей статью.
Прошла весна и солнце негу льет,
И все твое просвечивает платье;

И матовый загар тебе идет,
И все в тебе прекрасно, без изъятья,
Прекрасно так, что не могу сказать я,
Прекрасно как. Быть может, как полет?

И осени лазурное дыханье
В тебе не гасит прежнее старанье
Так выглядеть, чтоб нравиться сильней.

Но вот зима... И среди зимних дней
Твоей красе не подыскать примера
И я твержу, что ты сравнима с ней

И только с ней, - с божественной
Венерой!

"Суета сует, - все суета!.."
/Екклезиаст/
Какая сила в темном звездном небе?!
Смотрю, - преображается душа.
И суетные мысли сокруша,
Иные вдруг приходят, не о хлебе.

Вот человека вынесло на гребень
Житейских бурь: он к цели шел, спеша,
И увидал, едва-едва дыша,
Неrossыпли алмазные а щебень;

Его душе недолго до обвала...
Звезда небес, о, скольких ты спасала,
Поднявших взор к тебе! И на вопрос

Спокойный свет, мерцающий из бездны,
Давал ответ и мудрый, и полезный:
Все - суета, не стоящая слез.

Скрипка

Звучала скрипка. Так звучала
И пела тайное свое,
Как будто бы она прощалась
С окружой, слушавшей ее.
И в небеса взмывали звуки,
И ниспадали до земли;
Как будто неземные руки
Смычок по струнам провели.
И отливалась речка синью,
И польхал цветенем сад.
Казалось: через всю Россию
Ее мелодии летят.
Казалось: новь земли и древность
Соединили голоса...
И сердце трогала напевность.
И забывалась повседневность.
И ликовали небеса...

Прости меня. Прости!
Всяк волен
Или прощать
Иль не прощать;
Простив, своей
Убавишь боли
Иль исцелишь ес.
Как знать?
Прости меня!
Ошибок много.
Коль долг путь
И жизнь долгая.
Теперь я -
Тихая река
Без валунов
И без порогов.
Не подмывая берегов,
Осталось течь ей
По равнине.
Прости меня...
Как я отныне,
Мой друг, простил
Своих врагов.

г.Череповец. Воскресенский проспект.

История

...Вспомним, как все начиналось...

Много сегодня написано и сказано о начале коммерциализации русской жизни, относящемуся к послереформенным шестидесятым годам прошлого века. Много, но далеко не все. Параллели, часто проводимые между той далекой эпохой и нынешней, могут быть умножены до бесконечности. Нам показалось интересным отметить созвучие времен лишь в одном аспекте - криминально-экономическом. Как всегда, все уже было: были и "пирамидки", и МММ, и "Властины".... Может быть, как раз потому, что мы так забывчивы, все повторяется до мелочей. Забыли, например, Алексея Сергеевича Суворина /1834-1912/ - умнейшего человека, друга Л.Толстого, Ф.Достоевского, Н.Лескова, издателя популярнейшего журнала "Новое время".... Не совсем, правда, забыли - отчасти. Но от очень важной части - его публицистики. Предлагаемая читателям рабоча Суворина не переиздавалась с 1875 г. А ведь, кажется, она весьма современна, многое как будто со страниц сегодняшних газет. Так что давайте вспомним, "как все начиналось"....

/Текст печатается по изданию: Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельтона и заметок Незнакомца /А.Суворина/. Кн.вторая. СПб., 1875. Публикация А.Чернова/.

Попытка о банках и капиталах

Наши банки выросли, как грибы, разом: с 1869г. они начали плодиться чуть не ежемесячно, и все, что обладало капиталом, бросилось на банки. В числе учредителей явились комерции, действительные и тайные советники, генералы всех родов оружия и даже ученые. Так в числе учредителей московского промышленного банка очутились орд. профессор минералогии и геологии Г.Е.Шуровский, орд.пр.прикл. математики А.Н.Давидов и орд.пр. зоологии А.П.Богданов. Банк выходит не только промышленным, но даже ученопромышленным. Удивительного, конечно, ничего нет в этом стремлении выгодно пристроить свой капитал, а гг.учредители пристраивают его выгодно, ибо в банковских уставах выговаривают в свою пользу известный процент из чистой прибыли. Было бы удивительно, если бы все эти советники и ученые бросились учреждать народные банки... До этого мы с вами, по всей вероятности, не доживем, ибо дело пока идет о том, чтобы образовать какие-нибудь капиталы в народе. Во имя крупных капиталов мы легко соединяемся и с умилением можем смотреть, как аристократ подает руку мужику-плотократу и как сановник снисходит до общения с длиннополым сюртуком. Расскажу анекдот.

При открытии Учетного банка, где заседал один из наших сановников, большой любитель парламентского красноречия во вкусе Маколея и Гизо, был дан блестящий завтрак, за которым присутствовало несколько десятков лиц. В конце завтрака, когда подано было шампанское, один из учредителей, г.Елисеев или г.Полежаев, обратился к собранию с речью, приблизительно в таком роде:

"Милостивые государи. Прежде всего я желаю сказать несколько слов о нашем почтенном учредителе/таком-то/. Я очень уважаю его, я знаю его за человека весьма умного, но предупреждаю его, чтобы он не забывался. Пусть он помнит, что предприятие удалось только благодаря нам, русским. Когда оно затевалось, я спросил Евгения Ивановича, как он об нем думает? Евгений Иванович сказал, что это дело хорошее, что учредитель - умный и дальний человек. Тогда я сказал это русским капиталистам, пошел сам и со мною пришли русские миллионы. Да, повторяю, предприятие это - русское и пусть иностранцы не забывают. Конечно, они умные люди, но мы будем держать ухо востро, потому что знаем, что умный человек - плут..."

Учредитель, к которому относились эти слова, по-русски не знает и речь ему переводилась слово за слово. Но как передать слово "плут", которое, как известно, вовсе не имеет ругательного значения, когда употребляется в дружеской беседе. Это скорей - ловкий, тароватый, талантливый человек, умеющий выпутаться из всяких затруднительных обстоятельств, способный направить и поправить всякое дело, но которому пальца в рот не клади. Без сомнения, в этом смысле его и употребил оратор, не имевший случая изучить парламентское красноречие, но присутствующие были этим словом сконфужены, некоторые засмеялись.

- Qu estce qu il dit ? - спрашивал не знающий по-русски учредитель, с недоумением взиравший на собрание.

- Il dit que vous etes tres ruse.

Против такого перевода, действительно не точного ни в том, ни в другом смысле, ибо "плут" не значит "очень хитрый человек", поднялись многие голоса.

- Нет, это совсем не то. Плут - это "le petit coquin".

- Ах, что вы? Совсем не то...

- За здоровье г. такого-то /Гост относился к незнающему по-русски учредителю/.

- Оставьте. Tres ruse - очень близко передает смысл.

- Господа, лучше всего, мне кажется, это передается выражением "fine moucle"...

- A, fine moucle... Это очень хорошо, но все не то....

- Господа, пьем же за здоровье г./такого-то/.

- Умный человек - плут, - возгласил в это время оратор снова.

Я спросил одного банкира, отчего так много банкротств случается у нас?

- Причин много, но главная из них - банки. Много развелось их у нас.

Вот задача! Полагаю, для читателей не безынтересно будет узнать, каким образом приобретается кредит, и каким образом из ничего можно составить нечто. Вопрос этот принадлежит к самым современным, ибо нет, конечно, такого человека, который не

желал бы наслаждаться благами жизни при помощи презренного металла и легковесных бумажек, в настоящее время довольно выгодно промениваемым на золото и серебро. В виду всего этого, я позволю себе предложить читателям небольшую популярную лекцию о кредите.

Лет тому несколько в Петербурге можно было получить кредит чуть ли не в одном Государственном Банке, да и то при рекомендации известных коммерсантов. В 1863 г. Е.И.Лиманский возымел мысль устроить Общество Взаимного Кредита для доставления кредита массе мелких торговцев. При этом произошло следующее.

Положим, есть у нас общий знакомый, Иван Петрович.

Он имел в Государственном Банке кредит на 25.000 руб. Когда образовалось Общество Взаимного Кредита - тогда в успехе его еще сомневались, а потому была нужда в клиентах - обратились к Ивану Петровичу.

- Идите к нам. В Государственном Банке вы имеете кредит в 25 тысяч, мы откроем вам таковой же и в нашем Обществе.

Естественно, что Ивану Петровичу это на руку: он вносит 10 процентов, т.е. 2 500 руб., и получает кредит в 25 тысяч. С кредитом в Государственном Банке он имеет, таким образом, кредит уже в 50 тысяч. Затем открывается, положим, Частный Коммерческий Банк, которому нужны клиенты. Он обращается к Ивану Петровичу:

- Сколько вы имеете кредита в Государственном Банке и в Обществе Взаимного Кредита?

- 50 тысяч.

- Идите к нам; у нас дело верное, и мы откроем вам кредит в 50 тысяч.

- С удовольствием, - говорит Иван Петрович и думает: в трех кредитных учреждениях у меня сто тысяч кредита. Это не то что мои прежние 25 тысяч - на сто можно развернуться. И он развертывается более и более.

Англичане, евреи и греки основывают Международный Банк, если б Иван Петрович был греком или евреем, то ему немедленно дали бы в этом Банке сто тысяч кредита, но он человек русский, и ему отпускают поменьше, смотря по обстоятельствам и связям с евреями и греками, тысяч на 25, на 50. Как бы то ни было, и с этим новым учреждением кредит Ивана Петровича увеличился.

А В.А.Кокорев, отдыхая на лаврах, достаточно высохших и ставших колючими, думает думу. Россия страна хлебородная и земледельческая, в России нужно развить хлебную торговлю как можно более, а развить ее можно открытием широкого кредита хлебным торговцам в Петербурге, в Москве, на Волге, Каме и их притоках. Учредим хлебный банк. Так подумал В.А. и из головы его вышла российская минерва - Волжско-Камский Банк. Правда, Минерва была богиня мудрости но ведь это в древности; современные понятия о мудрости и благородии развились, и задача Минервы наших дней так облегчилась, что нет того банкира,

из головы которого она не смогла бы родиться. Покровительствуя хлебной торговле, Волжско-Камский Банк развел кредит в небывалой степени, действуя с той смелостью, которая города берет и которой, говоря вообще, не хватает в русском характере. Для нашего Ивана Петровича это была манна небесная - он очутился с полумиллионным кредитом...

Понятно, что если Иван Петрович обладает энергией и способностями, то ему не трудно составить себе чудесное состояние, без особенного труда. Но так как энергия и способности встречаются нечасто, а любовь к труду, даже относительная, еще реже, то люди стремились к кредиту и легко приобретали его вовсе не для правильной торговли, не для развития промышленности, а исключительно для получения возможности оборачивать крупные барыши на бирже, метать банк и преследовать задачи пикета. Промышленность наша не выросла в эти пять-шесть лет, в которые развились кредитные учреждения, а выросли только биржевые капиталы и легкость добывания денег, лежа на боку, попивая шампанское и обнимая красивейшие цветы иностранной культуры, в форме камелий и кокоток. Даже люди, имеющие промышленные и торговые заведения, смотрят на эти последние как на побочное дело и, оставляя развитие их на точке замерзания, обращают свой кредит на покупку бумаг и биржевую игру.

Кто не забыл прошлогодних выборов в Обществе Взаимного Кредита, тот легко вспомнит о тех многочисленных конкурентах в члены правления, которые прибегали ко всевозможным средствам и невозможным рекламам, чтобы получить доступ к самому источнику кредита. Один из этих конкурентов обанкротился в этом году на несколько сот тысяч. Я слышал, что этот банкрот, ухитряясь в способах получения кредита, сыграл, между прочим, очень плохую шутку с одним известным ученым классиком. Этот учений в заведении банкрота, имеющий весьма близкое отношение к умственному труду, делал некоторый заказ и обратил внимание на весьма смущенное и понурое лицо хозяина.

- Что это с вами? Не больны ли вы? - спросил с соболезнованием классик.

- Да что, денег нет. Сегодня расчет с рабочими, а денег взять неоткуда. Ваш брат заказчик любит заплатить после исполнения заказа, а мы - отдуваются...

- Если хотите, я заплачу вам вперед.

- Вперед? Да что же я сделаю с вашими тремя стами рублями, которые с вас приходятся. Мне нужно тысяч пять.

- Ну, такую сумму я заплатить не могу, при всем моем желании помочь вам.

- Я это знал, и если говорю с вами откровенно, то потому, что уважаю вас, и потому, что вы можете сочувствовать тому положению, в которое поставлены силою судьбы все мы, ученые, типографщики и литераторы.

Я, конечно, сейчас бы мог получить деньги, но надо ехать к одной свинье, просить его и смотреть, как

он будет ломаться. И добро бы ломался он из-за денег, а то просто потому, что ему лень подписать свою фамилию. Подпиши он свою фамилию, и, баста, - я при деньгах.

- Как же это так?

- Еще бы вы знали, ученые! Вы, небойсь: не воображаете, что деньги можно ни за что, ни про что, при помощи вот этой бумажки. - И он вынул из кармана годовой вексель.

Ученый классик, вероятно вспомнив в эту минуту добродетели древних греков и римлян, спросил:

- А тут непременно нужна подпись этого господина, про которого вы говорите?

- О, совсем нет, теперь такая пропасть банков, что почти всякий вексель учитывается.

- Но ведь, однако, подписавший рискует чем-нибудь?

- Ни мало. Механизм очень простой: вы подписываете вот этот, например, вексель в 4 500 руб., т.е. даете мне обязательство, по которому вы должны мне заплатить 4 500 руб., а я вам вот этот другой вексель, по которому я обязан уплатить вам 4 500 руб., другими словами: мы друг другу совсем не должны. Между тем, я по этому векселю могу получить 4 500 рублей из банка и обернуться.

Ученый, не встречавший таких простых примеров у греков и римлян, слушает собеседника своего со вниманием и даже с некоторым сиянием на лице своем.

- Послушайте, если это так просто, то я вам подпишу, - говорит он в некотором кредитном экстазе.

- Ах, вы бы меня обязали бесконечно, - ловит его хозяин...

Представьте себе удивление наивного классика, когда ему предъявили, спустя некоторое время, вексель в 4 500 руб. и потребовали с него уплаты этих денег. Но делать было нечего и история кончилась весьма печально для любителя древности.

Посредством этих, так называемых встречных векселей, обделяются в особенности удобно делишки в компании. Нас, например, четверо, и мы имеем какие-нибудь лавочки, или числимся в петербургском купечестве, хотя ничем не торгуем, или имеем некоторое знакомство в банковых правлениях. Все мы, четверо, заключаем между собой союз для добывания денег и поступаем так. Желая получить по 1000 руб., мы пишем друг другу векселя и затем предъявляем в разных банках. Нам их учитывают, и мы при деньгах. Проходят три месяца, - срок векселям, в который надо внести занятые под них деньги. Мы снова пишем друг другу векселя и учтываем их уже в других банках. Таким образом можно тянуть довольно долго, но для успешности предприятия всего лучше заключать международные союзы, т.е. с людьми разных национальностей, преимущественно немецкой, греческой и еврейской, так как есть банки, особенно покровительствующие излюбленным народностям....

В конце концов, что же знаменует развитие у нас кредитного дела? Разумеется, прогресс, ибо оно дает возможность большему числу людей заняться торгов-

лею и промышленностью, и покровительствуют способностям и талантам. С другой стороны, легкое добывание кредита подталкивает на риск, подает повод зарываться и затем банкротиться, но банкротства, конечно, ровно ничего не значат в сравнении с вечностью; хуже смерти ничего не может быть, а банкротства лучше смерти, ибо все-таки оставляют надежду пожить.

Шалости Частного Коммерческого Банка.

26 апреля 1873 года я попал в собрание акционеров Частного Коммерческого Банка.

В длинной, но узкой комнате расставлены стулья, с проходом по середине; длинный стол впереди, со стульями для членов правления и депутатов. Гг. акционеры входят и усаживаются, разговаривая между собою с приличною торжественности собрания тишиной. Впереди стоят члены правления и другие должностные лица; вижу двух господ со звездами, в виц-мундирах, и одного господина в виц-мундире, но без звезды; виц-мундиры у господ со звездами расстегнуты, у господина без звезды застегнут; вижу одного военного в штаб-офицерском чине; все остальные - граждане в коротких и длинных сюртуках. Я сел и стал наблюдать. Целые полчаса наблюдал, ничего не наблюл. Наконец, члены правления воссели на свои седалища, а господин со звездой стал на председательское место. "Господа, - говорит, - хотя не все акционеры, изъявившие желание присутствовать на этом собрании, прибыли, однако ж нас здесь 60 человек, обладающих 115 голосами. В прошлом году было только 55". Слава Богу, подумал я, прогресс: интерес к общественным делам возрастает. "Я, - говорит, - открываю собрание". Все, разумеется, молчат. Сидящий впереди меня немец начинает игристо боксировать своего товарища и трепать его по спине. "Против шерстки не хочешь?" - шепчет он по-русски. "Ruhig", - отвечает ему товарищ. Это, надо думать, не входило в программу, но, как потом я убедился, было самое интересное в собрании. Последовало со стороны председателя обычное: "Милостивые государи!" Затем весьма часто употребляемый в финансовых отчетах период, начинающийся "хотя" и подпретый в середине частицей "тем не менее". Период этот в отчете Частного Коммерческого Банка нарисован так: "хотя результат сего года не вполне достигает цифры года ему предшествовавшего, тем не менее, мы надеемся, мм.гг., что вы и на сей раз отадите должное нашим стараниям". Известно, что из всех "надежд", надежда правлений самая сбыточная, ибо "милостивые государи", собирающиеся в общие собрания, самые милостивые...

Последовали: ряд цифр, упоминание о "критической поре, пережитой банками в прошлом году", сообщение о дивиденде, 13% на акцию, и правительству на его 4000 акций 7% - и конец. Милостивые государи хранят молчание. "Засим, господа, господа депутаты, производившие ревизию, прочтут вам свой отчет", - говорит господин со звездою. Встает госпо-

дин в виц-мундире, без звезды. "Милостивые государи! На основании п.29 устава... мы считаем долгом присовокупить, что добытые Банком результаты мы всецело относим к единодушному содействию общему делу директора, членов правления и всех служащих Банка". Вы понимаете, что между этим началом и этим концом, там, где стоят у меня точки, в кратком отчете депутатов находится всем известная, но несколько распространенная фраза: "все обстоит благополучно". Милостивые государи выслушали и об этом "единодушном содействии" с таким же почтительным молчанием, как об "отдании должного стараниям правления"...

Встал опять господин со звездою и произнес: "Засим, милостивые государи, имеем честь просить вас рассмотреть отчет и, по утверждению оного, разрешить правлению банка выдачу акционерам дивидендов и приступить к избранию двух членов правления на место выбывших, Л.Эстеррейха и П.Витта, и депутата со стороны акционеров, г.Манна."

Милостивые государи зашевелились и зажужжали; г.Брандт начал ходить взад и вперед по проходу между стульями, как бы для надзора за порядком; юноша во фраке начал раздавать акционерам отчет, который предстояло утвердить. Некоторые раскрыли его, большинство положило в карманы. И хорошо сделало, ибо "рассмотреть" его не было никакой возможности. Да и для чего рассматривать, когда с одной стороны заявлено "надежда правления", а с другой - "единодушное содействие"; естественно, что с третьей стороны, т.е. со стороны милостивых государей, ничего другого не требуется, как единодушное молчание, что всегда с одинаковым успехом и исполняется. Не зная акционерных порядков, я нахожу весьма предусмотрительным и даже остроумным со стороны правления раздавать отчет акционерам в самом собрании, ибо это приучает их к быстрой сообразительности и остроумному анализу, который производится в кармане...

Не прошло пяти минут, как появился в проходе господин с хрустальной вазой, в которую приглашал класть "голоса". Я был в затруднении, кого выбрать в члены правления? Не зная никого, я избрал выбывших: все равно, думаю, от меня ничего не зависит, а люди все немецкие - принесу дань Германии. Принес. Депутата тоже выбрал выбывшего, г.Манна; но г.Манна я выбрал сознательно, ибо он литератор, комедии пишет, пороки бичует. Я всегда радуюсь, когда вижу литераторов, служащих в государственной ли, в частной ли службе, ибо всегда думаю, что благую часть они избрали, твердо на почву стали. А мы, скитальцы, оторванные от почвы, летающие между небом и землей, причем и небо уходит от нас, и земля подбрасывает безжалостно, мы, снискивающие себе хлеб срочным писанием... как жидко наше существование!...

Хрустальная ваза поставлена на столе. Я сидел и мечтал, мечтал и забывался. Вся обстановка этого общего собрания напоминала мне юные, счастливые годы, когда я сидел в классе. Эти жужжащие, тихо разговаривающие акционеры напоминали мне учени-

ков; эти ряды стульев - скамейки, стол впереди - кафедру, правление - учителя, к которому пришли добрые знакомые поболтать. Ученики и рады, тоже болтают, но сдержанно, прислушиваясь иногда к разговору около кафедры. Оттуда доносится однообразный счет голосов: "Члены правления... депутат... члены правления"... Я стал дремать: авось учитель не заметит. Сквозь сон слышал я, что около меня кто-то сказал: "Хорошо напечатано, а в сундуке что осталось?" Должно быть, о сундуке своем говорит, в котором не осталось лепешек, привезенных с каникул, думал я, и все слаще и слаще дремал. И проносились передо мною ярко-зеленеющие поля, и темный лес на небосклоне, и толпа ребятишек, моих сверстников, и чудесная, глубокая река с песчаным дном и песчаными берегами, манившая к себе свою студеной влагой... Вдруг колокольчик... Я вздрогнул. Что это, перемена? Класс кончился... "Господа, по счету голосов, оказались избранными"... раздался голос... Где я?... А, позовите: вон г.Манн кланяется классу... т.е. акционерам. Я в общем собрании, г.Манна выбрали, выбывших членов правления, двух немцев, не выбрали вновь, но выбрали двух других немцев. Хвала Аллаху!

- Господа, утверждаете ли вы отчет? - спрашивает господин со звездою.

Тихое, робкое жужжание, подобное тому, которое слышится в классе, когда учитель спрашивает: "Господа, приготовили ли вы урок?"

- Господа, я имею честь спросить вас, утверждаете ли вы отчет? - снова спросил господин со звездою...

Новое, но более явственное жужжание, среди которого постепенно образуется фраза: "у-т-в-е-р-ж-д-а-е-м-..."

- Утверждаете?

- Утверждаем, - совсем уж явственно отвечают милостивые государи.

- Собрание закрыто, - сказал господин со звездою - и класс бросился вон....

Я вышел на улицу. Погода была славная, тихая, почти теплая. Небо ясное, на небе луна, на луне - изображение Каина, убивающего брата своего Авеля, как думает народ, или теней от лунных гор - как утверждают астрономы, а я думаю, что эти темные фигуры на луне - изображение акционера, униженно стоящего перед правлением. Когда увидите луну, вглядитесь хорошенько в изображения на ней, и вы согласитесь со мной...

Я никогда не был поклонником анонимной гласности, которую любят столь многие. "Дела одного из здешних банков сильно пошатнулись". Или: "Говорят, что один из наших железнодорожных деятелей прекратил платежи и объявлен банкротом". Такие безымянные извещения вредны, потому что они повергают в тревогу публику, имеющую с тем или другим банком, с тем или другим банкиром какие-нибудь дела. При чтении подобного известия у всякого рождается вопрос: не мой ли это банк? не мой ли банкир? А тут еще,

основываясь на подобном известии, разные глашатаи, иногда с своеокрыстной целью, иногда просто из желания почесать язык, называют по имени какое-нибудь коммерческое учреждение или какое-нибудь лицо, уверяя, что это про них написано. Известие доходит до учреждения или лица, но они не в состоянии его опровергнуть, так как в печати никто не назван, а сказано только: "один из здешних банков", или "один из здешних банкиров". Сообщивший анонимное известие может даже насмеяться над вами, если вы придете к нему с опровержением: "Да мы вовсе и не имели вас в виду. Разве ваши дела так плохи, что вы принимаете на свой счет то, что сказано было насчет вашего соседа?"

По моему мнению, о таких деликатных вещах, как репутация какой-нибудь фирмы, или совсем говорить не следует, или следует говорить определительно, называя фирму собственным именем. Тут если и соврешь, то дашь возможность фирме опровергнуть неверное известие, а в крайнем случае и начать преследование за сообщение такого слуха, который повредил фирме в доверии публики. Надо или молчать, или быть храбрым, а для храбрости необходимо заручиться верными данными.

Вследствие всего этого, я был постоянно склонен называть вещи настоящими их именами, вследствии этого и теперь я говорю, что банкротами сделались гг.Задлер, Молво и Марк, участники в сооружении киево-брестской железной дороги. До какой цифры доходит это банкротство - неизвестно, но оно едва ли не превышает своими размерами банкротство г.Фейгина в 1872 г. По крайней мере говорят, что банкротство одного г.Марка простирается свыше семи миллионов рублей. В 1859 году он обанкротился на рязанско-козловских акциях, обанкротился в чистую, так что пошел в маклера на биржу. Несколько лет он действовал на этом поприще и заслужил себе доверие. Поправившись и разбогатев, он уплатил всем своим кредиторам по банкротству 1859г., все до копейки, рубль за рубль... Судя по этому прошлому, всего менее можно было ожидать, что его постигнет вторичное банкротство, притом на такую громадную сумму. Пользуясь большим доверием, он, разумеется, имел дела с самыми крупными капиталистами и втянул некоторых из них в свое банкротство на весьма значительные суммы. Г.Марк имел дела с Волжско-Камским банком. Как скоро весть о том, что он прекратил платежи, разнеслась по городу, правление банка распорядилось через полицию об описи имущества банкрота. О такой описи еще может быть речь, когда банкротство незначительно, но когда оно простирается на миллионы, продажей с публичного торга мебели, хотя бы работы Гамбса, ничего не поправишь. Правление, впрочем, скоро одумалось и оставило мебель г.Марка в покое.

Едва прошел месяц со дня описанного выше собрания акционеров Частного Банка, где правление читало панегирик себе, ревизоры читали панегирик

правлению, а акционеры все это одобряли, - Частный Банк стал трещать. Вышли в отставку три директора; в городе распространились весьма неблагоприятные слухи для этого учреждения, считавшегося наиболее солидным, акции его тотчас сильно упали и в кассу нахлынули те, у кого был текущий счет. Банкротства Марка, Задлера и Молво увеличили панику....

В предприятиях банковых, имеющих постоянное и, так сказать, непрерывное сообщение с публикой, малейший перерыв в деятельности, малейшее замешательство способны убить учреждение наповал. Многие вспомнили, что несколько лет тому назад, когда Общество Взаимного Кредита только что начало укрепляться в своих силах. г.Брант, начальник и распорядитель Частного Коммерческого Банка, имея в этом обществе текущий счет более чем на два миллиона, вдруг потребовал уплаты всей этой суммы в течение двух часов. Такое требование разразилось бы громом над Взаимным Кредитом, если бы Е.И.Ламанский, тогдашний директор Взаимного Кредита, не подоспел к нему на помощь с Государственным Банком: миллионы были выданы и дело спасено. Это было в самую цветущую пору процветания Частного Банка, когда г.Брант вероятно и не воображал, что над ним самим может разыграться такая же гроза, несмотря на одобрение его действий директорами от правительства. Банк спасло правительство ссудою трех миллионов, и тот же Е.И.Ламанский, против создания которого - Взаимный Кредит, как известно, созижен г.Ламанским - несколько лет тому назад г.Брант устроил шутку, хлопотал за г.Бранта у министра финансов и, говорят, сказал: "Я все эти дни жил в Бранте, а Брант во мне".... Спасение это, успокоившее несколько умы, не мешало, однако, падению акций. Акционеры потребовали экстренного собрания, которое и последовало 19-го июля 1873 года. Ожидали бурного заседания в этой палате лордов-плутократов; ходили слухи, что министерству, то есть правительству, будет сделан запрос.

Палата собралась; джентельмены были в черных сюртуках, курение не допускалось, как в самых высоких палатах и просвещенных гостинных. Приходили и садились. Около министерских скамей стояли министры и разговаривали, терпеливо выжидая, пока все лорды соберутся...

- Будет запрос? - спрашиваю я соседа.

- Должно быть не будет, а если и будет, то правая сторона так сильна, что запросом ничего не поделаешь. Министерство, кажется, само хочет выскакаться, и тем устранить всякие запросы.

- Что ж, это не дурно. Давно пора.

- Заметили вы, что тут действительно существуют правая сторона, и членов ее тщательно скрывают, как бы их вовсе не было.

- Не заметил, - говорю, - и не понимаю, в каких нишах можно скрыть этих почтенных лордов.

- А дело, - говорит, - в том, что по уставу "списки" акционеров, имеющих право быть в собрании, должны быть выставлены в зале. Здесь этого не делается, и список, а не списки акционеров лежит в передней, на столе, никому не заметный....

- Какие скромные люди, - сказал я. - Не хотят, чтобы фамилии их и их клиентов были выставлены.

- Под этой скромностью особый умысел скрывается... Вот вы увидите.

Сосед мой оказался прав, как относительно умысла, так и относительного того, что министерство решилось предупредить запрос, как в "общих чертах", так и в подробностях.

В виду, мол, распространявшихся слухов, частью ложных, министерство считает нужным представить "милостивым государям" отчет о положении дел, из какового отчета всем и каждому будет ясно, что положение дел вовсе не так худо, как о том говорят люди, очевидно злонамеренные, поставившие себе задачу во что бы то ни стало повредить банку. Благодаря "ловко распущенными слухам", дела банка действительно пошатнулись в такой мере, что гибель его была бы неизбежна, если бы правительство не помогло министерству того государства, в котором управляет г.Брандт. Конечно, оно ссудило - не сказано сколько - "под портфель банка". Вы, мол, не думайте, что это милость. Отнюдь нет; это так и должно быть. Мы делали все возможное для того, чтобы дела шли наилучшим образом: но что прикажете делать, если "ловко распущенные слухи" так повлияли на публику и акционеров, что из Банка было взято в течение месяца 8 миллионов рублей! Акционеры "не дали себе труда проверить", насколько слухи были точны, и бросились за вкладами. Это была "паника для паники", безответная, значит, легкомысленная и нелепая паника. Но...

Ужасно нехорошее это слово. Все идет чудесно: "ловко распущенные слухи", "паника для паники", вынужне вкладов беспринципное и "беспримерное в летописях", но...

Все в сущности обстоит благополучно... но есть нечто такое, что мешает благополучию. Вы повидимому совершенно здоровы, но у вас порок в сердце....

Дела шли хорошо до августа прошлого года; но случилось запутаться г.Фейгину, которому мы ссудили 400 000р., под поручительство гг.Сазикова и Серебряного. Мы потребовали денег с г.Сазикова, так как г.Серебрянов был заграницей. Г.Сазиков отказался, г.Фейгин не мог. Мы - в суд; суд нам отказал на том основании, что мы не имели права заниматься подобными операциями. Но дело не потеряное; в сентябре его будет разбирать судебная палата и мы имеем надежду, что оно еще не проиграно для нас....

Надежда, раз.

Как бы то ни было, решение суда весьма дурно повлияло на дела Банка; акции наши стали падать совершенно незаслуженно, ибо мы "делали все, что могли", как тот воробей, который воспет в "Семье и Школе". В общем собрании в апреле мы умолчали о настоящем положении дела, ибо, во-первых, считали, что молчание - золото, а во-вторых, не имели права разглашать коммерческие тайны. Мы свято бережем чужую тайну. В самом деле, не говорить же нам было вам, "милостивые государи", что мы, напр., "сомневаемся в состоятельности г.Марка", с которым мы имели

большие дела. К тому же мы надеялись, что все войдет в свою обычную колею и дела наши быстро поправятся.

Надежда, два.

Г-жам Занадворовой и Булычевой мы ссудили некоторую сумму под золото, которое они должны были нам выставить; выставив оного некоторое количество, остального они не выставили и сделались должниками нашими на 685 000 рублей. Кроме того, по другим сделкам г-жа Занадворова должна нам 189 000 руб., а г-жа Булычева - 75 000 руб., всего 949 000 руб. Это, конечно, много, особенно ввиду того, что обе они оказались несостоятельными. Но у нас в залоге есть два их дома, оцененные в 270 000 руб. и значительное имение в Калужской губернии, стоимостью около 200 000 руб. Кроме того, золотые прииски их, купленные ими у г.Мясникова за 250 000 руб., отданы в арендное содержание г-же Родственной за 15 000 руб., при посредстве Банка. Все это "до некоторой степени" дает нам надежду выйти и из этого дела без значительных потерь...

Надежда, три.

Строилась гангеутская железная дорога. Банку предложено было сделаться банкиром строителей этой дороги. Строители уверили нас, что подпись на облигации обеспечена, но оказалось, что она была вовсе не обеспечена, и мы принуждены были уплатить 2 млн.рублей, имея на 5 млн.рублей обеспечений акциями и облигациями этой дороги и векселями строителей. Дорога эта, будучи очень хорошей дорогой, скоро откроется и мы не теряем надежды выйти и из этого дела с выгодаю для себя...

Надежда, четыре.

Г.Марк прекратил свои платежи. С г.Марком мы имели большие дела, как все здешние банки, разумеется, прежде чем он оказался несостоятельным./Оговорка блистательная и, по всей вероятности, "небывалая в финансовых летописях"/. За г.Марком долга 500 000 руб.,но он обеспечил его частью векселями, частью акциями.... А так как, по слухам, актив его превышает пассив, то мы надеемся что-нибудь получить...

Надежда, пять.

Нас обвиняют в участии, которое мы приняли в акционерном Обществе Европейской Гостиницы и в Обществе Голубовских каменно-угольных копей. Оба эти предприятия казались выгодными, и мы составили синдикат; но подпись не покрыла предложенного количества акций и мы поневоле очутились крупными акционерами обоих этих предприятий. Впрочем, дела эти такого рода, что требуют только некоторого времени и выждания...

Ждите!...

Рукоплесканий не было. Правая и левая стороны хранили молчание. Докладчик положил бумагу на стол и сделал предложение перейти к очередным делам без мотивов; очередное же дело - выбор трех министров на место выбывших; хотя, по уставу, министерство снова может выбрать министров, выходящих в отставку после сессии, но оно не желает воспользоваться этим правом, ибо вполне доверяет консерва-

тивным силам страны.

Консервативные силы молчали. Вдруг один заговорил:

- Можно ли сделать некоторые возражения и получить на них ответ?

Министерство отвечало самым любезным образом, что всякие объяснения оно готово дать. Началась беседа...

- Скажите пожалуйста, под какие залоги даны г.Марку деньги?

- Под какие? Под всякие... акции и другие залоги...

- Акции прекрасно, но еще что же такое?

- Векселя...

- Его векселя, его одного?

- Нет, за поручительством других лиц.

- Кто же эти лица?...

- Эти лица... эти лица - г.Молво, г.Задлер...

Ответы давал сам г.Брандт; он был как бы на допросе перед прокурором, очень мягким и очень вежливым, но ему неловко: и векселедатель банкрот, и поручители его банкроты - векселя не важны...

- Сколько же вы дали ему под вексель?

- Надо справиться... Немного дали... Надо вниз сходить и сосчитать...

- Но вы припомните... хоть приблизительно...

- Тысяч полтараста, я думаю... Да, полтараста тысяч... Остальные под бумаги...

- Под какие же бумаги?

- Под разные... Это все можно точно определить, но для этого необходимо сходить вниз и сосчитать...

- Да неужели у вас не было времени считать-то?

- заметил кто-то резко. /В разговор начали вмешиваться члены крайней стороны, не отличающейся, как известно, мягкостью.../ Ведь 500 тысяч? Как же это вы являетесь с объяснением, а ничего не знаете о такой сумме, как 500 тыс.руб.? Странно!...

- Нельзя всего помнить. Полтараста тысяч... около этого под векселя, а 350 под бумаги... Надо сходить вниз...

- Зачем же беспокоиться?... Скажите, какие бумаги у вас под залогом?...

- Разные бумаги... Грязе-царицынские акции, акции Европейской Гостиницы....

- Ведь они оплачены только 50 рублями. Остальные 50 придется еще вносить....

- Что же из этого? Мы принимали из по 30 рублей...

- А они теперь и этого не стоят...

- Их можно по рублю получить... Да и самой гостиницы, говорят, не будет: она уже заложена.

- Устав вам запрещает составлять синдикаты...

- Нет, устав нам этого не запрещает...

- Покажите же, где он вам позволяет?

- Никакой устав не может исчислить всех операций. На то министерство, руководимое консервативным большинством. Вы не запрещали нам эти операции, когда они были выгодны, и мы руководились прежним примером....

Объяснения переходили в раздражительный тон, но без участия того деликатного депутата, который их начал. Он, очевидно, увидел, что объяснения ставят министерство в неловкое положение и дают слишком большую смелость крайней левой стороне. Он намекнул было на необходимость особой комиссии, которая наблюдала бы над министерством после закрытия сессии собрания и выяснила бы дела к будущему собранию, но намек этот так и остался без результатов. Он настоял только на одном - чтоб министерство воспользовалось своим правом назначить новых министров помимо собрания: сами, мол, заварили кашу, сами ее и расхлебывайте, а нас мешать в это дело никчemu. Предложение это было пущено на голоса посредством вставания. Встало очень мало. Министерство сконфузилось и предложило собрать голоса иначе: пусть те, которые желают предоставить выборы новых министров кабинету, пишут на бюллетенях "не выбираю", а те, которые желают воспользоваться лестным доверием кабинета к представителям консервативных сил страны, пусть напишут имена новых министров, удостаиваемых портфеля... Так и было сделано и -о чудо! - 44 голоса воздержались от выборов, а 170 воспользовались лестным доверием кабинета и имена новых министров были провозглашены: гг. Целибееев, Раsterяев и Гейслер. Где же чудо? спросите вы. Уж не в том ли, что выбран г. Гейслер? Нет, не в этом. Чудо заключается в том, что как г. Целибееев, также и г. Раsterяев, так и г. Гейслер получили, каждый, ровно по 170 голосов. Я вспомнил лорда, который говорил мне об "особом" умысле, и стал делать выкладки. Из этого выбора следует, думал я, что г. Целибееев равен г. Раsterяеву, г. Раsterяев равен г. Гейслеру, и все они равны друг другу, что в математике выражается так: г. Целибееев = г. Раsterяеву = г. Гейслеру; подставляя сюда арифметические величины получим: $1=1=1$, или $0=0=0$, 44 голоса принадлежали левой стороне и центру, 170 - правой стороне. Большинство огромное, и за порядок, вместо Макмагона, ручается г. Брандт.

К этой простой арифметической выкладке позволю себе прибавить другую, столь же простую: акции Частного банка стоили 19-го июля 1873г. 250 р.штука; а так как акции этих 20 000 штук, то капитал, ими представляемый, равняется 5 000 000 р. 19-го июля 1872 г., ровно год тому назад, акции эти стоили 402 р.штука и капитал, или представляемый, равнялся 8 040 000 р. Чистая потеря акционеров равняется поэтому 3 040 000 р.

Акционеры разошлись. "В суд бы этих господ тузов", - сказал один из них. - "В суде судят воров, разбойников, мошенников, но директоров акционерных компаний - такого названия для преступников нет", - заметил другой.

Своим отчетом об общем собрании акционеров 19-го июля я привел в смущение поклонников Частного банка; они стали распространять по городу слухи, что все написанное мною неправда, и что правление

намерено преследовать меня судом. Считаю необходимым по этому поводу сказать, что все написанное мною верно как нельзя более, и что я ничего не прибавил, но кое-что убавил, из сострадания к правлению банка, но не к г.Брандту. Самый тон моего отчета был как нельзя более кстати, ибо невозможно иначе, как с иронией, относиться к далеко не откровенному покаянию г.Брандта, приправленному гордыми надеждами, построенными на песке. Перед покаянием акции банка стоили 250 р. - выпускная их цена, теперь сам г.Брандт не дает за них 215. В одну из бирж после собрания его осадили маклеры предложением их сначала по 225, потом по 220, потом по 215: г.Брандт отвечал: "Ich raufe nichts..." Повторю прием вычисления потерь акционеров, употребленный мною после общего собрания 19-го июля: 1-го августа 1872г. акции Частного банка стоили 425 руб., 1-го августа 1873г. они стоили 215р., разница 210 руб.; помножим на количество акций/20т./ и получим сумму потери, равну. 4 200 000р., т.е. на 800 000р. менее основного капитала Частного банка... Затем я позволю себе добавить о Частном банке то, о чем я умолчал прежде. Я говорил о странном стечении обстоятельств при выборе директоров, из которых каждый получил одинаковое число шаров. Обстоятельства эти будут ясны, если я скажу, что в члены правления, где уже сидит Г.П.Елисеев, хранивший в собрании 19-го июля глубокое молчание, избраны: два зятя г.Елисеева, Раsterяев и Целибееев, и управляющий бумагопрядильной фабрики Елисеевых, г.Гейслер. Заявляя это, я подражаю западным публицистам, которые имеют похвальную привычку при назначении новых министров сообщать их биографии и выяснять взаимные их отношения. Министерство будет согласное, очевидно к явной выгоде и ограждению интересов акционеров/ в том числе и казны/. Но будет ли это согласие против первого министра, г.Брандта, или за него? Если оно будет за него, то не последует ли повторения фантазий г.Брандта, приведших банк на край погибели?... Как бы то ни было, отныне Частный Коммерческий банк можно называть Частным Семейным банком.

- Вы куда?
- А в Семейный...
- Нам по дороге: я тоже в Семейный сад.
- Нет, я в Семейный банк.

Кроме шуток, эти семейные выборы, произведенные правой стороной - левая воздержалась от них - к чему привели? К падению акций еще на 35 руб. Между тем в печати явились новые запросы и весьма серьезные. Правление устраивается и молчит благородумно, будучи вполне уверено, что молчание - действительно золото, выплавляемое в приисках, носит название "Карманы Публики".

А.С.Суворин

БОЛЖ

Был вечер. Стояло бабье лето. Солнце, как из пушки, было последней жарой. Я шел по берегу реки и любовался природой. Один берег, по которому я шел, был освещен солнцем, а другой, из-за близко подступившего к воде леса, как одеялом, накрыт тенью. Глядя на увядшающую листву, на пожелтевшую и высохшую траву, невольно щемило сердце. Жалко, что все недолговечно, что наша жизнь летит быстрее любой ракеты. Как пьяные большевики по реке гуляли маленькие волны. Будто Махно налетал ветер и тут же уходил в лес.

Я заметил его не сразу. Все лицо у него было покрыто бородой, как кустарником, по которому часто гоняли скот. Я уверен, что он не мылся уже несколько лет, так как от него несло, словно от фекального отстойника.

Он сидел на бревне у самого берега и задумчиво следил за щепкой, которая желала прибиться к берегу и не могла, так как в этом месте почти не было течения. Каким-то чутьем, уловив мое приближение, он неторопливо обернулся. Лицо у него было желтое, будто перья лука в сентябре. Смотришь на его грустный, отрешенный взгляд и на тебя, словно волк, на-

падает тоска. От такого взгляда не уйти, не спрятаться, даже ночью в постели. Он достанет тебя. Сразу видно, что хорошая погода и солнце не доставляет ему радости.

- Добрый день, - сказал я приветливо. Он остался неподвижен, словно тень на стене.

- Чего уж там доброго? - вдруг ответил незнакомец сдержанно и посмотрел на меня. Глаза его сузились. Мне показалось, что он хочет заплакать, заорать, завыть от тоски. Но он сидел молча и мрачно. Видимо, жизнь бродяги разорвала всю его душу, будто собака фуфайку. Я предложил сигарету. Немытая рука жадно потянулась к пачке. Вложив в рот сигарету, он чиркнул спичкой. Было видно, как в его руке подрагивал огонек. Пальто у незнакомца тоже грязное и без пуговиц. Обычно такую тряпку бросают снаружи у порога, для вытирания ног, но он носил пальто с достоинством и не спешил расставаться с ним, потому что приближались холода и эта защитная броня могла еще сгодиться. Из-под пальто виднелись заляпанные глиной сапоги.

Я вспомнил, что у меня есть конфеты и протянул ему кулек. И тут случилось невероятное - он улыбнулся мне и чуть отодвинулся в сторону, уступая место. Опять выскоцил ветер - Махно из леса, проскакал мимо нас и ушел на другой берег. Попробуй, поймай!

- Какая чудная погода! - сказал я для завязывания разговора и пожалел об этом. Он зло посмотрел на меня и нахлобучил на глаза шапку. Я побоялся, что сейчас сломается, как сухая ветка, едва завязавшееся знакомство. Я старательно не замечал перемену на его лице, молча сел рядом и вытянул ноги. Пусть отдохнут. Разве можно предугадать, что мои слова вызовут такую реакцию?

- Нелюблю осень! - раздраженно фыркнул незнакомец, но прежде, чем пояснить свои слова, произнес:

- Давайте знакомиться. Дмитрий!

Я сделал вид, что не заметил протянутую руку. Лицо его выражало полное безразличие. Удивительно, что Дмитрий не обиделся на мой поступок, видимо, привык к такому обращению. Он только сказал:

- К сухой лопате песок не пристает.

Я смутно почувствовал, что сделал что-то не так. У него была такая широкая грудь, что казаху на верблюде пришлось бы облезать ее целый день. С таким здоровьем нельзя быть нищим.

- Вы, наверное, считаете, что я сухой, как стручок гороха? - Он вместо улыбки неприятно скривил рот. - Это не так. Я по натуре лирик! А осень не люблю из-за того, что сразу за ней приходит зима.

Между нами и рекой пролегала тропинка. По ней пробежала огромная собака с такой скоростью, будто ей пообещали вышибь зубы.

- А почему? - спросил я и отчего-то уставился на щепку, стараясь отгадать, прибьет ее к берегу или нет.

Где-то в лесу щебетали невидимые воробы. Солнце старалось добить нас жарой.

- Ты, знаешь? - Дмитрий вдруг перешел на ты, - что коту за любопытство оторвали хвост? Не знаешь? Плохо!...

Вдали я заметил пасущуюся корову. Она подняла голову, выставив вперед рога. Ее челюсти все время были в работе.

- Думаешь, недогадываешься, что такие как ты ненавидят нас?

Дмитрий мог бы рассказывать о своем разрыве с обществом, о пренебрежении к нему людей. Но он не захотел и молчал.

- Почему так думаешь? - Я тоже перешел на ты и понял, что зря спросил. И так все ясно.

- Брезгуют нами, - воскликнул мой собеседник. - Боже милостивый! До чего ж мы низко пали!

Ты даже руку не пожал мою.

Я не стал возражать. Иначе наш разговор оборвется навсегда, как груз на нитке. Мне еще не приходилось встречаться с бомжами вот так близко и я был заинтересован в дальнейшем продолжении нашего разговора.

Вдруг Дмитрий нервно рассмеялся и вытер рот тыльной стороной руки, внимательно посмотрел на меня. Мимо пролетела сорока и, улетая по своим делам, погрозила нам хвостом.

- Не знаю, как тебе сказать, - начал мой собеседник. Его лицо казалось еще угрюмее, когда он молчал. От него уж больно сильно воняло, как от сорока свиней, вместе взятых. - Вот когда стареешь, то начинаешь чувствовать, что мир состоит из разных вещей: хороших и плохих! Не так ли?...

Я утвердительно кивнул головой и по-новому посмотрел на собеседника. На его губах расцвела тяжелая улыбка. Мы долго молчали, поглядывая друг на друга. Где-то за нашими спинами треснул сучок, а может мне показалось?...

- Вотты радуешься солнцу, природе, - снова заговорил Дмитрий. - А я забыл, что такое радость! Почему?...

Э тот человек явно хотел разжалобить меня и это ему удалось, но я тут же отбросил жалость - сам виноват!

- Хочешь, расскажу как на духу свою жизнь? - спросил Дмитрий. Помолчал. Я тоже.

Посидел немного в раздумье, разглядывая щепочку на воде у берега, будто видел впервые, потом заговорил доверительно, наклоняясь в мою сторону.

- Я был самым обыкновенным человеком. Когда мне исполнилось два годика, умерла мама. Шесть лет отец жил один, после привел мачеху. Видел, небось, какая злая собака только что пробежала мимо. Мачеха была злее. Казалось, она все наказания перебрала и испытывала

на мне и все для того, чтобы я возненавидел ее. И добилась своего. Все женщины лицемерки, а мачеха особенно. И голодом морила, и весь день на коленях заставляла стоять, и отравить обещала... Я начал уж проклинать судьбу, никакую и путанную.

Дмитрий рассказывал про свою жизнь и каждый раз умолкал, когда к его горлу подкатывал комок. Бог свидетель, что истории наши очень похожи. Я тоже был несчастлив, тоже в детстве умерла мама, также бежал от тех, кто называет себя людьми. Но меня спасло от его участия огромное желание учиться. Я не хотел плыть по течению. Я бы перестал уважать себя, если бы не попробовал гребнуть против быстро несущейся волны. Да что я об этом! Каждый волен делать кому что угодно. Ведь бог дал каждому по голове, а вот как ты распорядишься своим умственным потенциалом - это дело твое. Мне расхотелось беседовать с этим незнакомым человеком. Может, уйти? Сидиши, как ворон на ветке. Слушаешь, говоришь чего-то. Но что-то удерживало!... Надо повременить маленько. Я прислушался к окружающему миру. Город был в пяти милях отсюда, там шум, а здесь тихо и хорошо. Где-то за рекой звенела лесопилка, где-то в кустах дрались воробы, а в небе, деля его пополам, несется реактивный самолет, содрогая воздух.

Дмитрий рассказывал мне уже о том, что однажды случилось с ним в детстве.

- Полночь! Лежу на спине. Слева окно, прямо дверь. Отец с мачехой в соседней комнате. Вдруг от дверей идет ко мне совершенно седой мужик. В окно, раскрыв глазища, лезет луна. Я хорошо вижу мужика. Вот он подходит ко мне. От страха молчу. Мужик долго смотрит на меня, а потом исчезает. Утром я нахожу записку, в которой начертана вся моя последующая жизнь. История эта произвела на меня сильное впечатление. Прошло много времени и я убедился, что жизнь прошла той дорогой, которая была указана в послании того мужика.

Леонид Беляев

Вдруг, проснувшись раньше всех
В час туманного рассвета,
Задал сын вопрос из тех,
На какие нет ответа.

Очень хочет знать мой сын,
Кто был предок наш далекий.
Что ответить? - славянин
Бородатый, синеокий.

Точно знаю, был простой
Пахарь предок наш родимый,
Ну а дальше - лес густой,
Темный лес непроходимый,
Кто ты, пра, пра, пра, пра,
пра?...

Кто твои сыны и дщери,
Что сидели у костра
На Мологе, на Шексне ли?
Я распутать не берусь
Бесконечной цепи звенья.
Помни: все любили Русл
Свято, до самозабвенья.

В дымном городе живет
Демобализованный.
Утром едет на завод
В цех свой загазованный.
Нет в работе парня злей: ,
Все кипят и крутятся.
Витамины для полей -
Важная продукция.
Правда, тут не запах - смрад:
Производство вредное.
А в столовой - летний сад
И меню безбедное.
Там он встретил земляка,
С кем в ночное хожено.
Подымли.

Молока выпил -
им положено -
И забылся кратким сном,
И приснилась родина:
Витамины под окном
Черная смородина.

Исклучение

Сломать психологический барьер -
На это вдруг решиться нелегко
нам,
Как жившему по божеским
законам
Пойти на службу к бесу,
например.
Но говорят, что самый верный
путь
От скромности уводит в
неизвестность,
Так заяви, мой друг, на всю
окрестность.
Свои права, стеснительным не
будь.
Сломай психологический барьер,
Преодолей сомнения! Доколе
Носить в себе, таясь, как
браконьер,
Слова, которым надо быть на
воле?

Леонид Беляев

Не хотели мы есть, нас не
мучила жажда,
Но такие пустоты зияли в душе,
Что не вынес один - и из дома
однажды
Молча вышел, чтоб скрыться в
лесном шалаше.
Чтобы пение птиц первозданное
слушать
И целебные корни самому
находить,
Он решился привычные связи
нарушить,
Никому не желая ничем
навредить.
И ушел далеко от машинного
гуда,
Недоверчивых взглядов,
неискренних слов...
Каково ему будет возвращаться
оттуда
По осколкам красивых,
несбывшихся снов?

Если жизнь подноожку подставит
Или тяжестью лет придает -
Есть одно хорошее средство:
Окунуться памятью в детство.
Был вожак у нас Пушкин Генка,
Никакой не потомок поэта -
Легкой славы зачем ему пенка? -
Мы любили его не за это,
А за то, что он мал да ловок.
Чуждый всякой спеси и мести,
Но случись - из любых потасовок
Выходил, не роняя чести.
Как циркач, с любого забора
Прыгал в снег с двойным
перевертном
И без шарфа, в пальтишке
потертом
Бегал в самую лютую пору.
А когда весна наступала,
Вскоре после таяны снега
Он в знобящую глубь канала
Самым первым нырял с разбега.
И по дну мог не хуже краба
Подобраться туда, где не ждали -
Там белье полоскавшие бабы
С перепугу вальси роняли.
"Фу ты, черт!" - на Генку
кричали.
Мужики головами качали.
Как на черта, и в самом деле
На него девчонки глядели...
До сих пор, если душу ранят
Или вдруг расстроится лира,
Вспомню я своего кумира -
И как будто светлее станет.

Было ясно, что какую-то часть рассказа он привирает. А может забавляется тем, что придумывает себе жизнь, в натуре скромную на события, а в фантазиях - веселую и счастливую.

Помолчав какое-то время, Дмитрий продолжал дальше:

- Был еще такой случай в детстве. Играли мы в прятки. Залез я под крыльцо сарая и вижу, лезет ко мне девчонка из соседнего двора. Сердце так и екнуло. Она как есть красавица-раскрасавица! Учились мы с ней в пятом классе. Уж больно нравилась мне. Звали Тамара. Тамара смотрит серьезно, пристально и вдруг улыбнулась! Вижу, шевелит губами - сказать, видимо, хочет что-то. Я весь дрожу, как будто машина наехала. Она тоже в тот вечер играла в прятки. Как мы очутились вместе - не знаю! Тамара неожиданно нагнулась и поцеловала меня в щеку. Тут же сразу убежала. После этого она даже говорить перестала со мной. Когда мы перешли в шестой класс, то ее родители переехали в другой город и я потерял ее навсегда. До сих пор тот случай отстает светлым пятном в моей жизни. Сорок пять лет мне. Какая нынешняя моя жизнь? Теперь собаки лучше живут! Нет ни дома, ни хлеба. Человек я разве?

Лицо его выражало полное недоумение. И смутившись, не получая ответа, замолчал. Мне очень жаль стало его. Он несправедливо в этом мире знаю давно. Одни имеют все, чего душа пожелает. Везет им в жизни. Известно, что крестьянскими мозолями барысыто живут. А другие, как ни крутятся, как ни убиваются, а ничего у них нет. Но счастье в воздухе не летает - его в борьбе добывают. А Дмитрий, как подбитая птица, опустил крылья, он постоянно думает про самого себя и про свои заботы.

От этого легче не станет. Чужое счастье возбуждало в нем злость и зависть. Недоступный мир был похож на ярко освещенный дворец. Дмитрий не пытался всплыть. Он медленно шел ко дну.

Дмитрий, после раздумий, за-

говорил снова. Рассказывал он уже о том, как в молодости осудили его на два года за укрывательство от армии. После этого он много сменил профессий: был слесарем, кочегаром на пароходе, молотобойцем. И везде отзывались о нем неважко: "скользкий". Потом женился. Денег не хватало и он стал играть в карты. Жизнь потекла прекрасно и мечты самые радужные. Места для игры выбирали людные: кинотеатры, базары, вокзалы. Дмитрий всегда играл только в очко, потому что был непревзойденный шулер. В девяти случаях из десяти он постоянно извлекал из колоды необходимое "21". Жена была довольна. Правда, муж зачастую не ночевал дома, зато денег - хоть лопатой греби. Перед ее глазами мелькали соблазнительные примеры: рестораны, иномарки, шикарные дачи. В стране уже началась перестройка. Все перевернулось с ног на голову. Что раньше было хорошо, теперь стало плохо. Даже герои страны стали другие: не Жуков, а батька Махно!...

"Так", - думал я и понимал, что сейчас Дмитрий говорит правду. Неожиданно послышались шаги и вот из-за кустов вышли два мужика. Они жадно курили, и как-то смешно сморкались. Проходя мимо нас, неприветливо покосились, видимо, испугались за свою жизнь.

- Всегда вот так на меня смотрят, будто на тигра, - пожаловался Дмитрий. Жаль стало его, но я не взялся угешать.

Когда мужики скрылись из глаз, Дмитрий посмотрел по сторонам и, убедившись, что мы одни, продолжил свой рассказ.

- Познакомился я в то время с ворами. Стоял на шухере, когда они лезли в магазин. Не брезговали мы и квартирами. Как-то грабили одну хату, и я заметил дворника, которая следила за нами, а потом спросила: "Что вы тут делаете?" Мой напарник, здоровый верзила, посоветовал: "Иди, бабка, подобру-поздорову и молчи, как столб. Скажешь - убьем!" Она не побоялась и вызвала милицию. Взяли нас прямо на "работе". Так я отхватил еще пять лет.

Дмитрий замолчал. Он смотрел мне в лицо твердо и холодно. Вокруг стало до безумия тихо. Дунул ветер, подхватил щепку, выбросил на берег. Казалось, тема была исчерпана. Осталось только подняться и уйти. Но мой собеседник продолжил свой рассказ:

- Значит, вышел я по половинке и вернулся к разбитому корыту. Пока сидел - жена выписала из квартиры. При встрече сказала, что ей трудно со мной ужиться, что я скучный и вдобавок вор и поэтому сошлась с другим.

Дмитрий замолчал и у него был такой вид, как будто его вот-вот должны расстрелять. Я смотрел на него и думал, что наше отношение ко всем преступникам строится на нашем отношении к особо опасным преступникам. Мы не принимаем их за нормальных людей, чем ожесточаем. Сами создаем среду злобных, жестоких, беспощадных людей. Хотя надо думать о том, что составляющее большинство всех осужденных не такие уж безнадежно пропащие.

Дмитрий сидел задумавшись о чем-то безотрадно. Он наверняка потерял всякую надежду на чуткость людей. Я долго не задавал вопросов, слушая его, глядя прямо в глаза. А теперь, когда он замолчал, я спросил:

- Как ты докатился до такой жизни? Почему не боролся с трудностями? Ведь они есть у всех нормальных людей.

Дмитрий слушал меня с мрачной решимостью тут же ответить. Он поднял с земли сухую ветку и нервно стал ломать ее.

- Как ты дошел до этого?

- Э... э... тебе хорошо так говорить! - почти закричал Дмитрий, как только я закончил с вопросами.

- Ты нормальный, а я бомж. А знаешь, почему я стал бомжем? Не знаешь?

Чтобы размять ноги, я поднялся, прошел до щепки, размахнулся и кинул ее в реку. Дмитрий молча наблюдал за мной и как только я сел, он продолжил рассказ.

- Возьмем человека, который совершил преступление. Естественно, арест, суд, срок, зона. Заработал - получи. Через полгода жена выписывает тебя с жилплощади. После "отсидки" ты лишаешься квартиры, и еще работы: нет прописки. Вот и получается, что в глазах закона я - самый настоящий бомж. Вот так, дорогой товарищ! Жизнь проехала по мне всеми колесами. Живу где придется - на чердаках, на свалке, в подвалах... На носу зима, а у меня ни кола, ни двора...

Мне вспомнился мой дядя, который тоже сидел, тоже пил, но бомжем не стал. Он нашел в себе силы и не опустился на дно.

Я думал об этом, а мое внимание было приковано к женщине, которая неожиданно вынырнула из кустов. Она была не старая, в резиновых сапогах и легком пальто. В руках она держала большую хозяйственную сумку. Видно, шла в город за продуктами. Она посмотрела на меня и ухмыльнулась. Я это ясно видел. Женщина исчезла за поворотом тропинки так же быстро, как и появилась. Я посмотрел на Дмитрия и подумал: "Какая безраздостная старость ожидает его! А ведь он так любил жизнь! Когда-то мечтал стать летчиком".

На прощанье Дмитрий сказал мне: "Я живу как бездомный пес". И в самом деле, было в нем что-то от беспризорного пса.

Леонид Беляев

Предзимье

Замелькали первые снежинки -
Вот и осень кончилась уже..
Но кузничек пишущей машинки
Все трещит на третем этаже.
Все поет о лете да о лете
На одном дыханье заводном.
Видно, увлеченный, не заметил,
Что сменились краски за окном.
Время стылых луж, пора простуды.
Как в насмешку, черт их побери,
Веселы, круглы и красногруды
Вспыхнули на ветках снегири.

Грызет мне спину злобный пес
По кличке Остеохондроз,
А рядом с ним клыки острят
Его дружок Периартрт.
Прогнать свирепых кобелей -
Не пожалел бы я рублей,
А то какая с ними "жись" -
Хоть добровольно в гроб ложись.

Краснобай

Он получил увечья
В припадке красноречия.
Так разошелся, в грудь стуча,
Что вызывать пришлось врача.

Деликатный грабитель

- Пожалуйста, часы снимите
- И пиджачок.
- А если нет?
- Сходите очередь займите
В зубопротезный кабинет.

Кого ни вынесет на сцену -
Все за Россию, за народ!
А в жизни-скакущие цены,
Неразбериха и разброд.

Душа народная - как рана:
Кто путь укажет и спасет?
Сам президент с телекрана
Антисоветчину несет.

Как бы со сменою знамен
Нам не утратить связь времен.

Геннадий
ГОРЧАКОВ

ДЕРЕВЕНСКОЕ ПИВО

-Батько, пора нам родных да знакомых "отпиваить", - сказала мать отцу. Тот сразу согласился:

- Да, у многих мы в гостях побывали, а сами давно в гости никого не звали. Вот к Октябрьским праздникам и сварим пиво.

. Так без видимой явной причины/не было ни свадьбы, ни новоселья, ни юбилея в доме/ решено было варить деревенское пиво.

Примерно за две недели до Октябрьских праздников отец купил несколько мешков ржи, рассыпал рожь в чистые мешки, сшитые из дюмоканного холста, да так, чтобы мешок был наполнен не более, чем наполовину, и отвез эти мешки с зерном на мочище, так называется урочище на речке Куданга, и замочил их.

Двадцати зерно в речке набухало. Потом отец вытащил мешки из воды, подождал, пока стекла вода, сложил мешки на телегу и привез домой.

Мама расстелила широкие холсты на пол в "новой избе", в той просторной половине дома, в которой жили только летом, а отец рассыпал набухшую рожь на холсты.

Мама сама несколько раз в день поливала зерно чистой, теплой водой. Через двои-трои суток зерно начало прорастать, мама сказала, "проклонулось". Отец сгреб зерно в мешки, плотно их завязал, затем несколько раз со всей силой бросал мешки на пол. И мы мали мешки с теплым и мягким зерном, выплясывая невообразимый танец и приходя в восторг от дозволенной шалости.

- Задницей трамбуйте мешки-то, не ушибитесь, - смеялся отец.

- Ладно, хватит. Пусть рожь солодеет.

Солодела рожь в мешках сутки.

Потом зерно рассыпали на чисто выметенный пол в русской печи, чтоб оно сохло. Часть

зерна унесли в дом деда, там тоже была натоплена печь.

На мельницу мы ездили с отцом вместе. С шумом лилась на широкое мельничное колесо вода, весело крутились деревянные шестеренки, медленно вращался огромной толщины вал из тесаной сосны, хрустела сухая рожь на каменных жерновах.

- Мели на солод покрупнее, - попросил отец мельника.

Пиво в деревне варили часто. На речке Изница, которая славилась особенно чистой и вкусной водой, в километре от деревни, за полем, было оборудовано специальное место, - сделан навес, насыпана небольшая плотина для забора воды.

У Алешки Кузькина выпросили деревянный чан - широкую бочку, ведер на сто, со всеми предосторожностями перевезли на телеге этот чан к речке и установили его на подклет из бревен почти с метр высоты.

В дощатом днище чана светилось квадратное отверстие. В него вставили деревянный березовый штырь, который сантиметров на десять торчал ниже днища, а верхний конец был несколько выше краев чана.

Вблизи развели костры, над которыми повесили большие котлы, влили в них воду из речки. Когда вода вскипела, лишний жар из-под котлов убрали. Теплой водой из котлов заварили в чане из солода очень густую кашу, размешивая ее специальным веслом. Не торопясь, разводила эту кашу в чане все жиже специально приглашенная из города Никольска старуха Поникариха, искусная мастерица пивоварения.

Пиво пьяное, веселое

Хозяин наварил:

Потихонечку с веселышком

Помешивал, ходил -
- приговаривала она частушкой.
- Ну, теперь не мешайте! - потребовала Поникариха.

Наступил самый ответственный момент, требующий от пивовара умения и немалого искусства. Наступила "доводка", надо было уловить определенную густоту раствора.

Конечно, в детстве я наблюдал чисто внешнюю сторону пивоварения. Мне, как и многочисленной деревенской ребятне, нравились костры в ночи, озабоченная суета взрослых людей, какое-то таинство. Уже позднее, через годы, когда пивоварение было запрещено, я все доискивался у знатоков, у этой же Поникарихи, как варится славное никольское, пенистое, вкусное и довольно пьяное, деревенское пиво.

А вот в этой части сложной процедуры таится огромный секрет. От солодового раствора зависит качество пива. Опускают в раствор венчик, поднимают его и наблюдают, какой струей стекает с него раствор. Густой раствор стекает прямой струей, а жидкий начинает виться жгутом. И чем ниже раствор, тем этот жгут течет круче и стремительнее.

Бывает, капают капельку раствора на ноготь и смотрят, как растекается он по ногтю. Жидкий, естественно, растекается быстрей.

А то еще делают из соломинки небольшое кольцо, опускают его в раствор и вынимают. В соломенном кольце должна образоваться пленка.

Раствор доведен до нормы, готов.

Начали сооружать пожог. Наложили ряд сухих еловых плах, а между ними камни. Следующий ряд плах для устойчивости пожога положили поперек первого. Снова камни. Так рядов восемь-девять.

Немалое искусство требуется поджечь такую громадину сразу со всех сторон, чтобы камни накалились одновременно. Зрелище горения пожога бывает необычайно красивое. Из деревни сбегаются на этот огромный костер все мальчишки-подростки, приходят и взрослые. Хотя в деревне не принято приходить без дела, просто так, даже на такое зрелище.

Пока пожог горит, на штырь в чане надевают фильтры из ржаной соломы, бывает, закрепляют эти фильтры плетенкой из березовых виц. Кое-кто подсыпает в раствор заранее подготовленной чистой овсяной мякины - сантиметров на десять в высоту на дне чана.

Пожог прогорает. Камни накалились до красна. Начинается работа - не зевай, не мешайся под ногами.

Пожог развалили, бабы на вилах-тройчатках/чтоб не зацепить угли/ понесли раскаленные камни к чану и бросали их в раствор.

Пивовар Поникариха стояла на широкой

скамейке у чана и веселком ворочала грозно ворчащие камни, чтобы не горело дно.

Температура раствора близка к кипению, камни в раствор бросать перестали. Только Поникариха, приняв раскаленный камень на громадную ложку, сделанную из березового кала, осторожно опускает камень в раствор. Так постепенно раствор доводится до кипения.

Начинается ответственный момент варки пива. Раствор кипит, как молоко, с огромной пеной.

Все лишние люди с площадки уходят, чтобы не мешать мастеру-пивовару. А тот, в нашем случае - Поникариха, приняв раскаленный камень на свою ложку, сжигает этим камнем часть пены, оставляя все время в чане чистые от пены полыни - окна.

Раствор остывает долго. Можно и отдохнуть.

Кто-то из проворных мужиков осторожно начинает обухом топора выбивать штырь из днища чана.

Вот штырь пошатнулся, образовалось в дне небольшое отверстие - и потекло из чана по подставленному под отверстие желобу в большую лохань густое темно-коричневое, сладкое и ароматное, ни с чем не сравнимое по вкусу сказочное сусло.

Ведро теплого сусла несут в деревню - угостить ребятню и стариков. От последних ждут похвалы. Сусло из лохани бабы ведрами носят в котлы, что висят над кострами. В котлы на каждые пять ведер сусла высыпают по четыреста граммов сухого хмеля, не только одни шишки, но и вместе с лозами.

Сусло с хмелем кипит всю ночь - часов шесть. Огонь под котлом обычно поддерживают ребятишки под наблюдением взрослого человека. Сладкое и ароматное сусло хмель делает горьким и неприятным по вкусу - пить его уже нельзя.

Начинается самое священное действие: подготовка опары, у нас зовут - "головка". Именно она безалкогольное сусло и превращает в пиво.

А как сделать эту "головку"? Раньше выручал самый простой способ: у родственников или просто знакомого, который варил пиво неделю - месяц назад, брали 3-4 литра жидких дрожжей, остатки от выпитого пива, добавляли туда муки или свежего пива, разбавляли теплой водой, - и опара поднималась не по часам - по минутам.

Нынче идут в дело заводские дрожжи. Все абсолютно проще. "Головку" выливают в чан. Начинается брожение. Пиво "гуляет", тяжелые намокшие венцы хмеля переворачиваются в чане, пиво плещется о стенки чана с шипением, словно легкий морской прибой шуршит по песку.

Сутки двои гуляет пиво. Наконец, оно успокаивается.

Тут и начинаются веселые и разгульные "складки" - разлив пива из чана в лагуны и бочонки, ведра по два и более. У каждого такого лагуна или бочонка есть квадратное или круглое отверстие, через которое заливают пиво и заколачивают это отверстие крепкой деревянной пробкой, есть и маленькое - чуть повыше дна. Через него-то, если ототкнуть круглую длинную затычку, и потечет пенистое пиво в ведра.

Складки без гармони не обходятся. Пиво черпали прямо из чана, раньше наливали в "братьину" - большую росписную деревянную чашу, пили понемногу, ведь складки - не застолье, а работа.

Но плясали под гармошку от души. Ребята-шек отгоняли прочь. Потому, что порой самая скромная деревенская баба вдруг выкрикивала в

частушке такие непристойности, каких не услышишь и от завзятых разгульников.

Остается последнее: процидили пиво через решета, слили его в лагуны и бочонки и заколотили верхние отверстия, обмазали их ржаным тестом и - дображивай пиво два-три дня.

Тут можно и застолье собирать!

- Садись-ка сын, на велосипед, да езжай в Шири, в Блудново, да в Кудангу звать гостей к пиву, - сказал отец.

("Сказ о русском лапте") г. Никольск.

Без стакана никак

Тихая Русь

"Я знаю, что мне не удастся найти тихую свою Русь:
только нащупаю - и по пути
обязательно с кем-то напьюсь..."

Отъезд

"...Я чуть-чуть охмелею от ста
и совсем опьянею с двухсот..."

Стакан

"...а нынче - это тот стакан,
который некто Широглазов
хотел разбить, когда был пьян...
вдруг передумал. Бросив взгляд,
решил оставить для потомков
сей уникальный экспонат..."

/Андрей Широглазов/

Уж сколько я раз зарекался не пить.
Подводит отъезд иль стакан.
Намерен стакан был не раз я разбить,
Но не поднималась рука.
Шептал голос внутренний:
"Пыл свой уйми!
Адрюха! Ведь ты не дурак!"

Валентин Данилов

Гостида!

Честь имеем сообщить, что при Череповецкой городской организации Союза журналистов России образован и действует общественный творческий фонд "Издательство Череповец", который ставит своей целью содействие росту молодых талантов, развитию и становлению культуры в славном городе Череповце, помочь ветеранам творческого труда. Учредители фонда ставят своей задачей издание литературно-художественного альманаха "Череповец", брошюр и книг прежде всего местных авторов: журналистов, писателей, поэтов, литературоведов.

На страницах альманаха планируется рубрика "Творческая мастерская", где маститые поэты и писатели будут разбирать и анализировать поэтическую и прозаическую почту, учить молодежь литературному ремеслу.

Милости просим присыпать нам ваши творческие работы по адресу:

162600 г. Череповец, ул. Металлургов, 14а, общественный творческий фонд "Издательство Череповец".

Совет фонда.

Учредители литературно-художественного альманаха -
общественный творческий фонд "Издательство Череповец"
при городской организации Союза журналистов РФ.

Редактор Ненастев Н.А.

Редколлегия: Чернов А.В., Беляев Л.А.

Фоторепродукции Николая Викторова.

Компьютерное обеспечение НТП "Стелс".

Компьютерная верстка АО "Газета "Речь".

Тираж 999 экземпляров.

Череповец, февраль 1995 года.

